

● Павлу Косенко — 50 лет

Имя известного писателя, критика Павла Косенко широко известно читателям.

Его труды по литературоведению, биографические повести и портреты о русских писателях-классиках, писателях-революционерах, портреты современных литераторов пользуются большим читательским спросом.

«Свое лицо» (1962 г.), «Павел Васильев» (1967 г.), «Сердце остается одно» (1969 г.), «Иртыш и Нева» (1971 г.), «Свечи Дон-Кихота» (1973 г.), «Истоки и русла» (1976 г.), «На земле золотой и яростной» (1979 г.), «След» (1980 г.) — таков перечень основных трудов юбиляра.

Павел Косенко — постоянный автор «Вечерней Алма-Аты». Его критические рецензии, отрывки из новых книг, неоднократно в течение ряда лет появлявшиеся на страницах нашей газе-

ты, заслуживают высокой редакционной, читательской оценки.

И сегодня, в юбилейные дни, мы не изменяем своей традиции, предлагая вашему вниманию отрывки из исторической хроники «Скрещение судеб», над которой сейчас работает писатель. Ее тема — жизнь русских революционеров-шестидесятников, биографически связанных с Казахстаном, — Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, Е. П. Михалыча, их дружба с замечательными сынами казахского народа — Чоканом и Абаем.

В этом отрывке речь идет о выдающемся публицисте Николае Михайловиче Ядринцеве, деятельность которого высоко оценивали В. И. Ленин и А. М. Горький, и о Ч. Ч. Валиханове. Полностью вторая часть хроники, из которой взят отрывок, печатается в январском номере «Простора».

Очень интересно письмо от 4 ноября, связанное с планами заграничной поездки:

«...болею уже больше месяца, возобновилась старая болезнь в груди. Оказывается, петербургский климат не подходит для жителей вольных степей с сухим климатом. Доктора предписывают к зиме поехать за границу. Ради бога не унывайте, не выдумывайте никаких ужасов. Ведь в тех странах, куда я собираюсь ехать, нет ничего страшного... Бог даст, через месяц я выеду из Петербурга в Париж, для чего занял деньги у одного челове-

СКРЕЩЕНИЕ СУДЕБ

пожилой шестидесятник, вспоминает: «А помните похороны Мартынова в шестидесятом году? Помните, еще на них Курочкин имел столкновение с полицией, а Шевченко кому-то дал... Помните, когда несли по Николаевскому: «Шапки долой!» Еще генерал какой-то проезжал — оставили. Тот снял шапку и пошел за гробом... Знаете, мне сдается, что тогда и похороны-то особые были... Тогда точно не умирали, а венчались что ли... Покойникам-то тогда весело было. Эх, господа, вы не знаете того времени и не жить вам так! Знаете, точно пасха была, колокола гудели, и всякий чувствовал какое-то торжественное, блаженное настроение. Идешь, бывало, по Васильевскому острову — и студент, и мужик, и бутарь — все это как-то светло и радостно высматривает, точно ждет чего-то. А колокола-то пасхальные гудят... да, гудят... И все было чисто, как ангелы, и калялись, и плакали, и главное — надеялись...» И добавляет: «И вдруг потом, после этого-то времени, кто ожидал, что совершится фокус: белое станет черным, а черное белым, что вылезет все эти тенета, весь этот гад...»

По первым же журналистским опытам молодого друга Потанин разглядел в нем «будущего литератора, который будет писать с пафосом и остроумием».

Чокан Валиханов приехал в Петербург почти одновременно с Ядринцевым, и они вскоре познакомились у Потанина. Николай Михайлович пишет: «Сначала я просто встречался с ним, а потом представился мне случай сделать ему небольшое одолжение». Одолжение заключалось в том, что Ядринцев занял Валиханову сравнительно крупную сумму.

Отношение Ядринцева к Чокану не лишено двойственности. С одной стороны, он не может не восхищаться блеском личности Валиханова: «...стройная фигура его и манеры были необыкновенно изящны, в них было что-то женственное, ленивые движения придавали ему вид европейского сибирита и денди... Разговор всегда отличался остроумием, он был наблюдателен и насмешлив, в этом сказались его племенная особенность (казахи большие насмеш-

ники), под влиянием образования эта способность у Валиханова получила расцвет. Она получила характер сатиры и гейневского юмора. Острил он зло, я редко встречал человека с таким острым, как бритва, языком... Он давал темы Всеволоду Крестовскому, тогда модному поэту, темы для восточных стихотворений...».

В значительной степени под влиянием знакомства с Валихановым у Ядринцева складывается взгляд на казахов как на «замечательный народ, к которому очень легко может привиться европейская цивилизация».

С другой стороны, Ядринцева, как пуритански настроенного неопита демократии, несомненно, раздражает «моцартианство» Чокана, его свободная легкость в жизни. Ему кажется, что в Петербурге Валиханов ведет пустую, рассеянную жизнь, не использует возможностей столицы, чтобы подготовиться «к делу», в пустую растрачивает свой талант. Здесь Николай Михайлович явно несправедлив.

Сам же он говорит, что, приходя к Чокану, он постоянно заставлял то над разными восточными манускриптами и картами. Валиханов одновременно работал в генеральном штабе и азиатском департаменте министерства иностранных дел, бывал и делал сообщения на заседаниях географического общества, слушал лекции в университете (и не только на восточном факультете, но и на историко-филологическом), опу-

бликовал за свой петербургский год несколько серьезных трудов. Но пуританство, действительно, было совершенно чуждо его натуре, и он наверняка поддразнивал своих суровых друзей рассказами о похождениях, большая часть которых, несомненно, была им вымышленна.

А особенно сибаритствовать Чокану Чингисовичу было не на что. 9 августа 1860 г. он пишет родителям:

«Перед моим отъездом в Петербург Вы называли, чтобы я отчитывался перед Вами в произведенных мной расходах... В первый год после приезда в незнакомый город издержки были значительные: заказывал у портных форму и всякое обмундирование, покупал белье. Чтобы представиться императору, ездить на обеды к высокопоставленным лицам, нужно было нанять карету. В такие дни бывали и другие издержки. Жалования не будут выдавать до получения формулярного списка, а когда он придет, известно только аллаху.

Несколько дней жил совсем без денег. Вы сами знаете, человек без денег в этом городе может умереть с голоду. С большим трудом достал займы двести рублей. Хорошо, если Вы по получении этого письма переведете мне немного денег. Мне и самому советую просить у Вас, но приходится. Быть в долгу еще хуже».

ка... Теперь по получении настоящего письма переведите мне тысячу рублей, предназначенную Вами мне на годовое содержание. Говорят, за границей несостоятельного должника, будь он хотя бы архизнаменитостью, даже генералиссимусом, сажают в долговую тюрьму. Считаясь с Вашим положением, прошу лишь одну тысячу рублей сверх положенного. Если буду жить, как нищий, то этих денег хватит на пропитание...».

Выслал ли полковник Чингис Валиев нужную тысячу? Состоялась ли эта поездка? Пока на эти вопросы нельзя ответить с полной определенностью. Обычно считается — нет, не состоялась. Чокан за границей не был. Но А. Е. Врангель определенно говорил в своих мемуарах о встрече с Валихановым в Париже. Ошибка памяти престарелого барона? Не исключено. Однако в остальном тексте обширных воспоминаний Врангеля о Достоевском никто не обнаружил ни одной фактической ошибки, они на редкость достоверны.

Хорошо помню веранду на даче в Малом Алматинском ущелье, где С. М. Муканов рассказывал мне о том, что в одном из сибирских архивов он нашел документы, подтверждающие пребывание Чокана в Западной Европе. Деталей никаких не раскрывает: «Скоро я это опубликую, потерпите...» Не успел опубликовать...

НА СНИМКЕ: Павел Косенко.

Фото В. Камерского.

Николай Ядринцев был очень молод, когда приехал в Петербург, и предшествовавшая этому жизнь его была не очень-то богата впечатлениями. Юноша смотрит на столичную действительность широко раскрытыми глазами, жадно глотает насыщенный озоном воздух новой эпохи. Вскоре после приезда он попадает на похороны великого русского актера-демократа Мартынова и подробно рассказывает о своих впечатлениях в письме к Щукину:

«Я был на Смоленском, когда принесли гроб. Дожидаюсь его, удерживали народ, чтобы он не проходил к могиле, и полицейские занимали вход аллеи, но толпа рванулась, и полиция полетела к черту: «Ай да полиция! Вот и полиция!» — кричали в толпе. Обер-полицмейстер уговаривал отстояться, а ему шикали. Наконец, вот кто-то крикнул: «Смотрите, Курочкина не пропускают, он хочет речь говорить». Я взглянул и увидел Курочкина, которого держал за ворот городовой.

Как крикнет толпа: «Вон полиция! Вон городовой! Вон подлец!» И мой голос слился с этим протестом. Обер-полицмейстер, без каски, уговаривал перестать,

ему шикали и пуще кричали. Говорят, при выносе тела из церкви полиция вступила тоже, и ей были комплименты, как и на Смоленском, а Курочкин будто бы крикнул: «Долой полицию! Здесь власть народа, а не полиция!»

Принесли тело. Какой-то господин сказал: «Господа, снимите шляпы, духовенство идет!» Шляпы снялись, но на глупое постановление посыпался ответ: «Мы не духовенству, а Мартынову склоняем шляпы». И остроты посыпались на советовавшего господина.

На могиле Григорьев говорил стихи очень порядочно и с душой. Еще были сказаны две речи, очень трогательные, и многие из публики плакали навзрыд. Наконец, опустили труп в могилу, и тысячи венков посыпались на гроб любимого комика».

Похороны Мартынова были первой общественной демонстрацией, в которой довелось участвовать юному сибиряку. Она запомнилась на всю жизнь. Много лет спустя, под впечатлением другой смерти — смерти Салтыкова-Щедрина — Ядринцев начинает писать рассказ «Люди шестидесятых годов» (оставшийся незаконченным). Герой рассказа,